

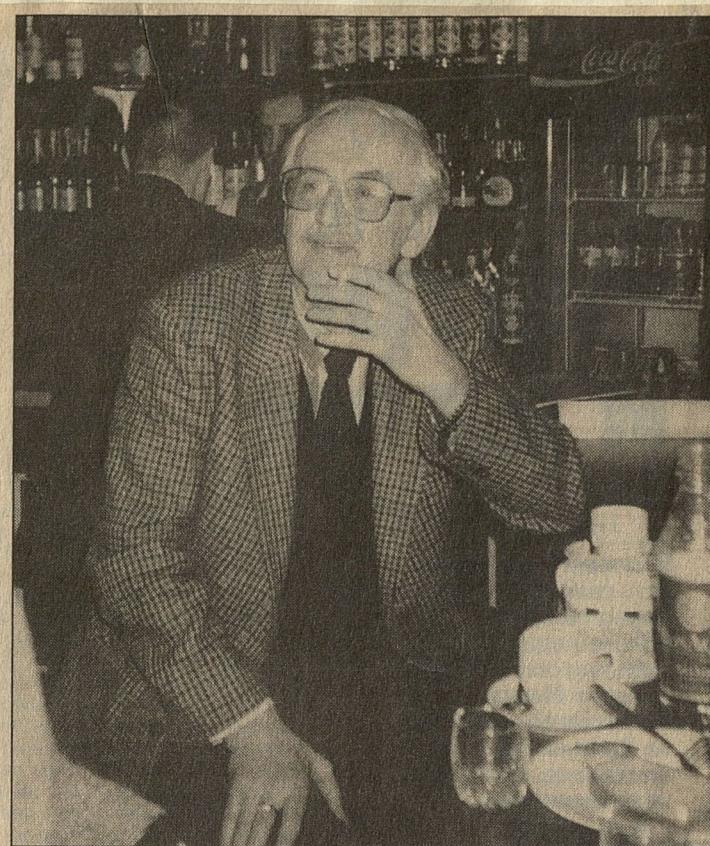
Василий Борисович Ливанов, актер в третьем поколении, лучший Шерлок Холмс мирового кинематографа и непревзойденный крокодил Гена, писатель, киносценарист и режиссер, недавно воплотил свои таланты в фильме «Дон Кихот возвращается». Дон Кихот — он сам. Санчо Панса — Армен Джигарханян. Трогательная, смешная и жутковатая в своей фанатической погоне за иллюзиями пара...

Евгений НЕКРАСОВ

— Василий Борисович, фильм очень красивый: южный, солнечный. Где вы нашли такую испанскую природу?

— В Болгарии. Там снимали от начала и до конца, не строили декораций, только сделали небольшую достройку дома Дон Кихота. Интерьеры художник преобразил, приближая их к испанским. А природа Болгарии очень сильно совпадает с испанской, это даже испанцами признано.

Василий ЛИВАНОВ:

Вет. Москва. - 1998 - 9 апр - с. 12

Трусость и русская демократия — довольно близкие понятия

— Вы не первый раз там были?

— Мой отец работал в Болгарии последние годы своей жизни в знаменитом национальном театре имени Вазова, а театр этот создал Николай Массалитинов, актер Московского художественного театра первого поколения. Я с ним встречался в 56-м году там, в Болгарии, на гастролях МХАТа. Потом в Болгарии шли все мои фильмы. Так что я и бывал там с отцом, и ездил просто так, отдыхал на море. У меня в Болгарии было много друзей. Я приехал туда, как домой.

— Вы сказали «было много друзей». Сейчас отношение к русским изменилось?

— Если брать моих друзей, то как относились замечательно, так и относятся.

— А, скажем, на улицах, в магазинах?

— Абсолютно нормально. Политические игры к жизни народов не имеют никакого отношения.

— Теперь о болгарской кухне. Что вам нравится?

— Я вообще люблю болгарскую кухню, она здоровая, обильная: много овощей, великолепно мясо готовят. Мешана скара — жареное на решетке мясо разных сортов. Таким же способом жарят мясо на решетке в Аргентине, только там это называется асадо.

— Вы и в Аргентине были?

— Мы с Васей Аксеновым были там в 63-м году на международном кинофестивале в Мардель-Плато. Это курортный город на берегу Тихого океана. В Аргентине огромная славянская диаспора — после революции туда приехали и русские, и украинцы, и казачество наше. Фильм по аксеновской повести «Коллеги» был в фестивальной программе. Но через два дня после нашего отъезда там случился очередной государственный переворот такого фашистского толка. Поэтому мы там не получили призов, хотя успех был грандиозный. Я привез оттуда журнал, самый крупный киножурнал в Аргентине: моя фотография в развороте, статья обо мне и надпись: «премьер триумфатор Мардель-Плато».

— А часто политика вмешивается в искусство?

— Конечно. Это же кино, средство массового воздействия, политика не обходит его никогда.

— Раз мы «заехали» в Аргентину, может поговорим об их кухне?

— Там все преувеличенного

размера: помидор величиной почти с арбуз. Три урожая снимается в год. Два ветра дуют вперемешку то с Атлантического океана, то с Тихого, они несут соль, и трава пропитана солью. Скотина жрет ее как сумасшедшая круглый год. Мясо, которое в Аргентине стоит дешевле хлеба, экспортируют на весь мир. Когда едешь по прерии, быки напоминают наши стога сена по величине и мощи. И в черных шляпах скачут гаучо, аргентинские ковбои, конные пастухи. Я ездил верхом в их компании... Вот из этих гигантских мясных быков и делается асадо, замечательная аргентинская еда.

— Едем снова в Болгарию. Представьте: вы ждете гостей. Что бы вы поставили на стол?

— То, что мы и дома делаем, — во-первых, шопский салат: это малосольные огурцы, помидоры, лук и чеснок мелко нарезанный, оливковое масло, и все это густо посыпано хорошим сыром, таким типа брынзы. А потом мешану скару...

— Василий Борисович, а вопросы про Шерлока Холмса вам, наверное, уже надоели.

— Это неизбежные вопросы.

— У нас по телевидению прошло несколько западных вариантов «Шерлока Холмса», но я сейчас даже лиц исполнителей не помню. А ваше лицо у меня наложилось на литературный персонаж: Шерлок Холмс — это Ливанов. Но, может быть, англичане воспринимают вас иначе?

— Во всяком случае, на Бейкер-стрит в музей Шерлока Холмса мой портрет в этом образе висит над портретом лучшего английского исполнителя. Газета «Дейли мейл» в 82-м году написала, что мы с Виталием Соломиным — лучшая пара континента всех времен. А на фестивале телевизионных фильмов в Монте-Карло в специальном выпуске фестивального журнала над фотографией жюри была моя фотография с подписью: «Лучший Шерлок Холмс — советский».

— Самый запоминающийся обед в вашей жизни...

— ...Был с Грэмом Грином. Обед в Антибе, в ресторане его друга мсье Филиппа... Какие могут быть подробности? Подробности читайте в романе Грэма Грина.

— Неужели?

— Там нет конкретно обо мне, но там есть живой Грэм Грин. Можете себе представить, что это за

радость общения с такой личностью.

— Вы по-английски говорили?

— Мы были со Славой Бэлзой. В какие-то моменты я говорил по-английски, а когда требовался очень точный перевод, переводил Бэлза, который владеет английским в совершенстве. Я собирался переделать для сцены один ман Грэма Грина, и вот вот этого романа мы с ним разговаривали.

— Собирались, и не удалось?

— К сожалению, театр, который я сделал, был разгромлен.

— А нельзя ли поподробнее?

— Не хочется рассказывать. Все эти обиды и переживания ушли в прошлое... Спектакль должен был ставить Питер Устинов — были достигнуты такие договоренности, но театра не стало. А на его месте — туристическое бюро и еще какая-то фигня.

— А как сейчас ваша литературная работа?

— Последняя серьезная работа — сценарий к «Дон Кихоту...». А в смысле таких внешних успехов — в издательстве «Самовар» вышла моя вторая книжка для детей «Дед Мороз и лето», где собраны мои сказки. Часть сказок легла когда-то в основу мультфильмов, а часть существует просто как литература.

— Году в 86-м вы принесли в редакцию, где я тогда работал, свою киноповесть «Иван Иванович». И читали ее с восторгом, цитируя наизусть, сначала редакторы, потом заводделами, а потом... не напечатали. Это еще было время, когда главного редактора вызывали раз в неделю для отчета в МГК.

— Вообще у меня есть подозрение, что трусость и русская демократия — это довольно близкие понятия. К сожалению, это так. Демократичный человек может просто и прямо сказать автору: честно тебе говорю, я боюсь. У меня так было с одним главным редактором. Он меня тогда пригласил и сказал: «Василий Борисович, я боюсь, не знаю, как вы не боитесь». Я говорю: «Не боюсь», а он говорит: «А я боюсь». В разговоре он дважды меня процитировал наизусть. Значит, ему понравилось, не специально же он выучил, чтобы вернуть мне повесть... Ну «боюсь» и «боюсь». Я забрал рукопись и уехал в Питер, и ее мгновенно напечатала «Нева». И ничего страшного не случилось!